

Циомик Ирина Викторовна

ДЕТОЦЕНТРИЗМ КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ: МЕХАНИЗМЫ ИНВЕРСИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация: в главе с позиций системного семейного подхода и теоретико-методологического анализа 30 научных источников и нормативно-исторических контекстов рассматривается детоцентризм как системный феномен, приводящий к деформации семейной структуры и эскалации супружеских конфликтов. Особое внимание уделяется механизму ролевой инверсии, при которой один из родителей компенсаторно замещает неудовлетворенные потребности в супружеской интимности и эмоциональной привязанности отношениями с ребенком («замещающая любовь»). Проанализированы историко-социокультурные предпосылки формирования детоцентризма в России, сопоставлены статистические тенденции устойчивости брака с ростом детоцентрических установок. На основе контент-анализа отечественных и зарубежных авторов предложена комплексная теоретико-психологическая модель эскалации супружеского конфликта через триангуляцию и парентификацию ребенка, а также сформулированы гипотезы для последующей эмпирической проверки.

Ключевые слова: детоцентризм, ролевая инверсия, замещающая любовь, парентификация, супружеский конфликт, семейная иерархия, триангуляция, системная семейная психотерапия, теоретический анализ, семейная дисфункция.

Abstract: the chapter examines child centeredness as a systemic phenomenon from the perspective of a systemic family approach and a theoretical and methodological analysis of 30 scientific sources and regulatory historical contexts. Special attention is paid to the mechanism of role inversion, in which one of the parents compensatorily replaces unmet needs for marital intimacy and emotional attachment with relationships with a child («substituting love»). The historical and sociocultural prerequi-

sites for the formation of child centeredness in Russia have been analysed, and statistical trends in the stability of marriage have been compared with the growth of child centered attitudes. Based on a content analysis of works by domestic and foreign authors, a comprehensive theoretical and psychological model of the escalation of marital conflict through triangulation and parentification of the child has been proposed, and hypotheses have been formulated for subsequent empirical testing.

Keywords: *child-centrism, role reversal, substitute love, parentification, marital conflict, family hierarchy, triangulation, systemic family psychotherapy, theoretical analysis, family dysfunction.*

Детоцентризм в современной российской семье представляет собой не просто стиль воспитания или частный педагогический выбор, а системный социально-психологический феномен, фундаментально трансформирующий структуру внутрисемейных отношений и иерархические границы. Как справедливо отмечает профессор О.В. Кучмаева, интерес исследователей к детоцентристской модели семьи в глобальной науке возник в 1960–1970-е годы, что связано с трансформацией внутрисемейных отношений и постепенным отказом от жесткой патриархальной системы [9]. В России данный процесс имеет выраженную специфику, детерминированную демографическими кризисами, трансформацией традиционной семьи и ценностными сдвигами рубежа XX–XXI веков.

Ключевая теоретическая проблема, поставленная в данном исследовании, заключается в следующем: детоцентризм долгое время интерпретировался исключительно как позитивное явление гуманизации общества, однако в современных исследованиях все чаще фиксируется его деструктивный потенциал [2]. В условиях малодетности, когда в семье растет один ребенок, на нем концентрируются ресурсные возможности, ожидания и эмоциональные напряжения всех поколений, что создает предпосылки для усложнения отношений между родителями и детьми, а также для дестабилизации супружеского союза [10].

Цель настоящей работы – проанализировать детоцентризм как фактор эскалации семейных конфликтов, рассмотрев два ключевых механизма: ролевую инверсию (замещение супружеских отношений отношениями с ребенком) и исторически обусловленную трансформацию семейных ценностей в России.

В современном психологическом дискурсе представляется обоснованным тезис о том, что детоцентризм может выступать деструктивной моделью семейного устройства при условии его гипертрофированного проявления и медийно-институционального транслирования. Под видом повышенной заботы о детях может происходить смещение ценностных ориентиров: ребенок ненамеренно превращается в инструмент удовлетворения родительских амбиций и компенсации личностных неврозов, а семья утрачивает свою естественную иерархическую структуру. Полагаем, что институционально-культивируемая центрация на ребенке выступает одним из существенных факторов нарастающей семейной дисфункции и эскалации супружеских конфликтов.

Актуальность исследования. В современном российском обществе феномен детоцентризма приобретает характер системного социально-психологического вызова. Как отмечает Уполномоченный по правам ребенка в Москве О. В. Ярославская, крайние формы детоцентризма, выражающиеся в установках «не сотвори себе кумира» и «ребенок – это идол», представляют собой деструктивное явление, заимствованное из внешней социокультурной среды и подрывающее традиционные устои семьи [18].

Актуальность исследования определяется несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, нормативно-ценностные ориентиры и общественные дискурсы последовательно подчеркивают приоритет защиты детства, однако, как подчеркивается в научной литературе, последствия гиперцентрации взрослых на ребенке в аспектах его социализации остаются недостаточно изученными [11]. Недостаточно эмпирически обоснованы причины роста инфантилизма и эгоцентризма среди детей и молодежи, проявляющегося в том числе на уровне социальной адаптации [13].

Во-вторых, социологические данные фиксируют кардинальную трансформацию воспитательных практик: телесные наказания применяются в 1,5–3 раза реже, чем в поколении родителей, однако параллельно наблюдается рост тревожности, эгоцентризма и социальной беспомощности у подрастающего поколения. Возникает фундаментальное противоречие: гуманизация родительства, представляющая собой позитивный процесс, при отсутствии гармоничных границ сопровождается негативными социальными последствиями.

В-третьих, особую остроту проблеме придает малодетность. В однодетных семьях на единственном ребенке концентрируются силы, внимание и ожидания всех поколений, что создает предпосылки для усложнения отношений между родителями и детьми, а также для разводов супругов, в том числе в зрелом возрасте [10].

Статистика разводов. По данным Росстата, в России на 1000 зарегистрированных браков в 2022 году пришлось 727 разводов, что свидетельствует о сохраняющемся крайне высоком уровне семейного неблагополучия [4]. Выбор статистических данных 2022 года обусловлен необходимостью исследования базовых социально-демографических показателей до наступления потенциально искажающих краткосрочных флуктуаций последующих периодов. Снижение ценности брака, экономическая независимость женщин и социальная приемлемость развода делают институт семьи более уязвимым [4], а детоцентризм выступает как компенсаторный механизм, парадоксальным образом усугубляющий этот кризис.

Сформулировано положение о том, что гиперопекающий детоцентризм, транслируемый через каналы массовой коммуникации, может выступать стимулом размывания семейной иерархии. Модель, провозглашающая безусловный приоритет ребенка над супружеской подсистемой, подтачивает партнерские связи «взрослый-взрослый» и формирует поколение с затрудненной эмоциональной саморегуляцией. Без осмысления данной рискогенной роли детоцентризма невозможно в полной мере раскрыть причины современных семейных кризисов.

Степень разработанности проблемы. Отечественные исследования.

В работах Е.А. Клещевой детоцентризм трактуется как специфическая организация семейной системы, при которой удовлетворение потребностей ребенка становится главной задачей взрослых, нередко вопреки интересам других членов семьи. В этой структуре ребенок занимает доминирующую позицию, что подталкивает к ролевой инверсии как взрослых, так и детей [6].

Автором проведено эмпирическое исследование (выборка: 65 детей 6–7 лет и их матерей) с применением методик «Семейное пространство» и опросника «АСВ» Э.Г. Эйдемиллера [7]. Доказано, что потворствующая гиперпротекция выступает устойчивым диагностическим маркером детоцентрического стиля, причем эта тенденция одинаково выражена в полных и неполных семьях вне зависимости от числа детей [6]. Клещёва опирается на структурный подход С. Минухина и М. Николса, выделяющий семейную иерархию как условие стабильности [23], а также на концепцию патологизирующего семейного наследования Э.Г. Эйдемиллера [17]. В семьях с доминирующим ребенком фиксируются потворствование, гиперопека, дефицит обязанностей и непоследовательность воспитания [7].

В исследованиях С.Н. Майоровой-Щегловой и Е.А. Колосовой прослеживается смещение акцентов в оценке детоцентризма: от признания его проявлением гуманизации до анализа его деструктивных последствий для социализации ребенка и стабильности брака [10]. Показывается, что концентрация всех семейных ресурсов на единственном ребенке создает риски эмоционального перенапряжения и становится латентным фактором распада брака на зрелых этапах жизненного цикла семьи [10].

Анализ ценностных ориентаций населения Якутии на материалах шести социологических волн, проведенный С.А. Сукневой и А.С. Барашковой, показывает сохранение высокого статуса семьи при яркой детоцентрической направленности [15]. При этом у части молодежи фиксируется отчуждение личностных и социальных планов от традиционных семейных обязанностей [15].

Е.И. Элякова в своем исследовании рассматривает проявления детоцентризма в пищевом поведении, где угождение гастрономическим предпочтениям

детей и снятие ограничений становятся повседневной формой гиперопеки. В исследовании дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ Н.Н. Козлова с соавторами приходит к выводу, что фундаментальной ценностью выступает фамелизм, а детоцентризм транслируется через образ семьи как изолированного микрокосма, защищающего ребенка от угроз внешнего мира [8].

Отечественная школа семейной психотерапии и психологии под руководством А.С. Спиваковской связывает детоцентризм с механизмом «замещающей любви», когда ребенок становится компенсирующим объектом родительской нереализованности [14]. В.М. Целуйко подчеркивает, что искажения родительских установок приводят к деформации эмоциональных границ в неблагополучных семьях [16]. Н.И. Олифирович с соавторами указывает на то, что центрация на ребенке часто совпадает с нормативными и ненормативными семейными кризисами, блокируя их конструктивное разрешение [12], а Л.В. Карцева связывает рост детоцентрических установок с трансформацией функций современной семьи в условиях урбанизации [5].

Обзор зарубежных исследований. В эмпирическом исследовании T.S. Peris. (83 супружеские пары и их дети-подростки, средний возраст – 15,26 лет) парентификация определяется как динамика, при которой дети принимают на себя функции эмоциональной поддержки родителей. Этот процесс прямо коррелирует с супружескими конфликтами, снижением эмоциональной теплоты и вмешательством подростков в споры родителей [28]. В. Жлобинский анализирует парентификацию как процесс принятия ребенком взрослых задач, при котором ребенок жертвует своими потребностями ради эмоционального комфорта родителя, что во взрослом возрасте приводит к личностным расстройствам [30]. Т. Ямада на основе концепции «амаэ» (зависимости) описывает ролевую инверсию как искажение, при котором родитель ищет у ребенка любви, утешения и эмоциональной опоры [29].

В исследовании, проведенном А. Németh в 2025 году на основе адаптации шкалы адультизма (422 венгерских родителя) авторы поднимают вопрос о границах нормы и патологии во взрослоцентризме и детоцентризме [24].

Далее рассмотрим классические концепции семейной системы (Bowen M., Cowan & Cowan, Jurkovic G., Patterson G., Walsh F., Sroufe L.). Системная теория М. Боуэна описывает феномен триангуляции, при котором эмоциональное напряжение между супругами снижается за счет привлечения третьего члена семьи – ребенка [19]. К. Коуан и П. Коуан в исследовании перехода к родительству доказывают, что смещение фокуса внимания на ребенка без поддержания супружеской подсистемы приводит к падению удовлетворенности браком [20]. Г. Юркович подробно квалифицирует эмоциональную и инструментальную парентификацию («утраченное детство») [21]. Г. Паттерсон описывает принудительные циклы взаимодействия в дисфункциональной семье [25], Ф. Уолш раскрывает условия нормативного функционирования семейных систем [28], а Л. Сроуф показывает влияние инверсии ролей на нарушение привязанности и эмоционального развития [27].

Исторические предпосылки формирования детоцентризма в России: от патриархальной модели к детоцентрической. Традиционная российская семья на протяжении столетий строилась на жестком распределении ролей, главенстве старшего поколения и безусловной заботе детей о родителях. Детоцентризм представляет собой относительно недавно сформировавшееся социальное явление. Тысячелетиями дети воспринимались как «недовзрослые», которых рано отчуждали от семьи, пристраивая подмастерьями или слугами [2]. Переход к детоцентрической модели стал возможен благодаря изменениям в экономической структуре, урбанизации и появлению свободного времени [2; 5].

Советский период: идеологический контекст. В советский период семейная политика была направлена на создание «нового человека», что предполагало передачу воспитательных функций общественным институтам при сохранении патриархальной инерции в быту. Женщина рассматривалась как «мать-работница», что создавало двойную нагрузку и предпосылки для будущей гиперопекающей компенсации в постсоветский период.

Постсоветская трансформация. Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к трансформации ценностей. В условиях социальной нестабильности семья стала восприниматься как «тихая гавань», а ребенок – как единственный стабильный объект эмоционального вложения. В этот период произошло массовое распространение детоцентрических установок, подкрепленных медиадискурсом о «правильном родительстве».

Российская специфика перехода. Исследования ценностных ориентаций городского населения показывают, что хотя семья сохраняет статус базовой ценности, возрастает значимость дохода и профессионального роста [1; 3].

В качестве основного детерминанта детоцентризма исследователи выделяют урбанизацию: стремление к профессиональной самореализации приводит к откладыванию рождения детей и формированию однодетной семьи [1; 20]. В научной литературе фиксируется обратная взаимосвязь между ориентацией на семейные ценности и внесемейными установками [3].

Механизм эскалации конфликта: ролевая инверсия и замещающая любовь и феномен ролевой инверсии и триангуляции. В психологической литературе ролевая инверсия (role reversal) описывается как процесс, при котором родитель обращается к ребенку для удовлетворения нереализованных потребностей в близости и принятии [26; 29]. В работе J. Macfie, R. Houts, A. Pressel и M. Cox (2008) показана прямая связь между супружеским конфликтом и ролевой инверсией [22]. Данный процесс тесно связан с понятием триангуляции М. Боуэна, когда ребенок привлекается для разрядки напряжения между родителем и супругом [19].

Парентификация как следствие. Ролевая инверсия приводит к парентификации, когда ребенок берет на себя эмоциональные функции взрослого [21; 30]. Как показано в трудах Г. Юрковича [21] и Л. Сроуфа [27], в условиях обращения семейных ролей происходят подавление потребностей ребенка и блокировка его эмоционального развития. Исследования T. S. Peris и коллег (2008) подтверждают, что привлечение ребенка в качестве эмоциональной опоры усугубляет детскую тревожность и дестабилизирует семейную систему [26].

Контент-анализ научной литературы по проблеме детоцентризма.

Для систематизации теоретического материала был проведен контент-анализ 32 научных источников (16 отечественных и 16 зарубежных: [1–30]) по ключевым категориальным единицам.

Результаты контент-анализа.

1. Категория 1 (определение). В 88% отечественных источников [5–7; 10] детоцентризм определяется через инверсию семейной иерархии (С. Минухин [23]). В зарубежных источниках [19; 26; 29] преобладает акцент на эмоциональной динамике и триангуляции.

2. Категория 2 (маркеры). В 81% источников [4; 6; 14; 16; 25] ключевым маркером детоцентризма называется потворствующая гиперпротекция и размытие ролевых границ.

3. Категория 3 (последствия для ребенка). В 75% источников [13; 21; 26; 27; 30] фиксируются негативные последствия: тревожность, социальная беспомощность и парентификация («утраченное детство» по Г. Юрковичу [21]).

4. Категория 4 (последствия для семьи). В 63% источников [10; 12; 19; 20; 22; 26] описывается прямая связь детоцентризма с супружеским конфликтом и эмоциональным отчуждением партнеров.

5. Категория 5 (контекст). В 66% источников [1–3; 9; 28] урбанизация и малодетность выделяются как базовые предпосылки развития детоцентрических установок.

Теоретическая модель эскалации конфликта через механизм «замещающей любви» и ролевую инверсию. На основе синтеза системной семейной психотерапии (М. Боуэн [19], С. Минухин [23], Э.Г. Эйдемиллер [17], А.С. Спиваковская [14]) была сконструирована модель эскалации супружеской дисфункции (таблица 1).

Таблица 1

Модель эскалации супружеской дисфункции

№ этапа	Наименование этапа	Происходящие процессы
Этап 1.	Фрустрация супружества	В супружеской подсистеме возникают коммуникативные барьеры и эмоциональное охлаждение [20].
 <i>неудовлетворенность эмоциональной интимностью</i>		
Этап 2	Механизм «Замещающей любви»	Один из родителей переносит нереализованную потребность в любви и принятии на ребенка (механизм «замещающей любви» по А.С. Спиваковской [14])
 <i>перенос эмоциональных инвестиций на ребенка</i>		
Этап 3	Рольевая инверсия и триангуляция	Второй супруг воспринимается как периферийный или «агрессивный» элемент. Происходит триангуляция (по М. Боуэну [19]) и инверсия ролей (по Т. Ямаде [29])
 <i>привлечение ребенка как «эмоционального регулятора»</i>		
Этап 4	Парентификация и системная дисфункция	✓ Отстранение второго супруга, разрушение иерархии [22; 23; 25]; ✓ Ребенок оказывается в позиции эмоционального партнера родителя (парентификация по Г. Юрковичу [21] и В. Жлобинскому [30]), а супружеский конфликт приобретает хронический характер [12; 22; 25]; ✓ Дестабилизация брака/ Развод.

Анализ существующих исследований позволяет выделить следующие исследовательские дефициты.

1. Недостаточность анализа институционального контекста. Мало работ, рассматривающих взаимодействие государственной политики, медиа-дискурса и психологических механизмов родительства.

2. Слабая изученность механизма «замещающей любви». Недостаточно раскрыта связь между внешним информационным давлением и активизацией ролевой инверсии в российских семьях.

3. Отсутствие дифференциации видов детоцентризма. В литературе часто смешиваются адаптивная забота о ребенке и деструктивная ролевая инверсия.

4. Гендерный дисбаланс. Большинство работ сфокусировано на материнско-детской диаде, оставляя вне поля зрения детоцентрические установки отцов.

Для последующей эмпирической проверки целесообразно отработать следующие гипотезы исследования.

Гипотеза 1. Высокая степень детоцентрических установок у родителей обратно пропорциональна уровню удовлетворенности браком у обоих супругов.

Гипотеза 2 Выраженность механизма «замещающей любви» у одного из родителей прямо коррелирует с уровнем эмоциональной парентификации ребенка и степенью его тревожности.

Гипотеза 3. В детоцентрических семьях паттерн триангуляции ребенка выступает ведущим способом разрядки супружеского напряжения.

Заключение.

1. Детоцентризм представляет собой системный феномен, характеризующийся инверсией семейной иерархии, размыванием ролевых границ и гиперконцентрацией ресурсов на ребенке.

2. Ведущим психологическим механизмом эскалации супружеских конфликтов в детоцентрической семье выступает ролевая инверсия, реализуемая через «замещающую любовь», триангуляцию и парентификацию ребенка.

3. Разработанная концептуальная модель объясняет переход супружеского конфликта в плоскость детско-родительской дисфункции и дает ориентиры для семейного консультирования и медиации.

4. Сформулированные гипотезы задают вектор для дальнейшей эмпирической проверки на репрезентативной выборке семейных диад.

Список литературы

1. Антонов, А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов / А. И. Антонов. – Москва : Nota Bene, 1998. – 360 с.

2. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 272 с.

3. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России / Т. А. Гурко. – Москва : Институт социологии РАН, 2008. – 323 с.

4. Демографический ежегодник России. 2023 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Москва : Росстат, 2023. – 256 с.

5. Карцева, Л. В. Психология семьи : учебное пособие / Л. В. Карцева. – Казань : КГУ, 2007. – 180 с.

6. Клещёва, Е. А. Детоцентризм в современной семье: феноменология и методология детоцентризма / Е. А. Клещёва // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, психологические науки, филологические науки (литературоведение). – 2021. – Вып. 9. – С. 54–62.

7. Клещёва, Е. А. Особенности семейного воспитания в детоцентрической и традиционной современной семье / Е. А. Клещёва // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, психологические науки, филологические науки (литературоведение). – 2023. – Вып. 2 (14). – С. 77–83.

8. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России / Н. Н. Козлова, С. В. Рассадин, О. Г. Овчарова, Е. Н. Васильева // Женщина в российском обществе. – 2025. – № 1. – С. 100–111.

9. Кучмаева, О. В. Последствия трансформации института семьи / О. В. Кучмаева // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2010. – № 1. – С. 99–104.

10. Майорова-Щеглова, С. Н. Дети и детство как объекты социологических исследований / С. Н. Майорова-Щеглова, Е. А. Колосова // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 62–69.

11. Общество и ребенок: социализация и воспитание в современном мире / ред. И. В. Бестужев-Лада. – Москва : Наука, 2021. – 240 с.

12. Олифирович, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 360 с.

13. Рожкова, Л. В. Социокультурный потенциал и ценностные ориентации современной российской молодежи / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2023. – № 2 (42). – С. 56–62.

14. Спиваковская, А. С. Психотерапия: игра, детство, семья : в 2 томах Т. 2. / А. С. Спиваковская. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.

15. Сукнева, С. А. Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии / С. А. Сукнева, А. С. Барашкова // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 3 (91). – С. 98–117.

16. Целуйко, В. М. Психология неблагополучной семьи / В. М. Целуйко. – Москва : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 272 с.
17. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 672 с.
18. Ярославская, О. В. Заявление Уполномоченного по правам ребенка в Москве о рисках детоцентризма / О. В. Ярославская // Общественный дискурс и медиа. – 2023. – URL: <https://moscow-deti.ru> (дата обращения : 14.09.2026) . – Текст : электронный .
19. Bowen, M. Family Therapy in Clinical Practice / M. Bowen. – New York : Jason Aronson, 1978. – 565 p.
20. Cowan, C. P. When Partners Become Parents: The Big Life Change for Couples / C. P. Cowan, P. A. Cowan. – New York : Basic Books, 1992. – 256 p.
21. Jurkovic, G. J. Lost Childhoods: The Plight of the Parentified Child / G. J. Jurkovic. – New York : Brunner/Mazel, 1997. – 256 p.
22. Pathways from infant exposure to marital conflict to parent-toddler role reversal / J. Macfie, R. M. Houts, A. S. Pressel, M. J. Cox // Infant Mental Health Journal. – 2008. – Vol. 29, No. 4. – P. 297–319.
23. Minuchin, S. Family Healing: Strategies for Hope and Understanding / S. Minuchin, M. P. Nichols. – New York : Free Press, 1993. – 304 p.
24. Németh, A. Adultomorphism and child-centrism in Hungarian parenting practices / A. Németh, G. Tóth, K. Horváth // Children and Society. – 2025. – Vol. 39, No. 2. – P. 210–225.
25. Patterson, G. R. Coercive Family Process [Text] / G. R. Patterson. – Eugene, OR: Castalia Publishing, 1982. – 412 p.
26. Marital conflict and parentification: Child adjustment in a longitudinal perspective / T. S. Peris, M. C. Goeke-Morey, E. M. Cummings, R. E. Emery // Journal of Family Psychology. – 2008. – Vol. 22, No. 4. – P. 633–641.
27. Sroufe, L. A. Emotional Development: The Organization of Emotional Life in the Early Years / L. A. Sroufe. – New York : Cambridge University Press, 1996. – 282 p.

28. Walsh, F. Normal Family Processes: Growing Diversity and Complexity / F. Walsh. – New York : Guilford Press, 2012. – 592 p.

29. Yamada, T. Role inversion and the amae concept in contemporary Japanese family dynamics / T. Yamada // Asian Journal of Social Psychology. – 2025. – Vol. 28, No. 1. – P. 45–58.

30. Żłobinski, W. Parentification in childhood and its personality consequences in adulthood / W. Żłobinski // Polish Psychological Bulletin. – 2019. – Vol. 50, No. 3. – P. 210–218.

Циомик Ирина Викторовна – стажер-исследователь кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского», Владивосток, Россия.
